

Научная статья

УДК 343.971

НАСИЛЬСТВЕННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ И ЕЕ СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ

Лариса Владимировна Готчина

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)

Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

lgotchina@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены современные проявления насильственной преступности; выделены новая группа лиц, допускающих насилие, – прошедшие боевые действия в условиях специальной военной операции, и типовые мотивации такого поведения. Рассмотрены сложившиеся направления, объясняющие феномен агрессивности человека применительно к исследованию современности. Отмечена взаимосвязь насильственной преступности с преступностью в сфере незаконного оборота оружия. Для наиболее эффективного профилактического воздействия выделены следующие сферы: семья, культура и личная безопасность.

Ключевые слова: насильственная преступность, семья, оружие, средства массовой информации, мотив самоутверждения

Для цитирования: Готчина Л.В. Насильственная преступность и ее современные проявления // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 4 (33). С. 67–73. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2025/12/008.pdf>.

Original article

VIOLENT CRIME AND ITS MODERN MANIFESTATIONS

Larisa V. Gotchina

Saint-Petersburg Law Institute (branch) of the Federal

State Establishment of Higher Education «University of prosecutor's office of the Russian Federation»,
Saint-Petersburg, Russia

lgotchina@yandex.ru

Abstract. The article examines the current manifestations of violent crime; it identifies a new group of individuals who engage in violence, including those who have participated in combat operations in the context of the Special Military Operation, and the typical motivations behind such behavior. The article also explores the existing theories that explain the phenomenon of human aggression in relation to contemporary society. It highlights the correlation between violent crime and illegal arms trafficking. To effectively address this issue, the article focuses on the following areas: family, culture, and personal safety.

Keywords: violent crime, family, weapons, media, and self-assertion

For citation: Gotchina L.V. Violent crime and its modern manifestations. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2025;4(33): 67–73. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2025/12/008.pdf>.

© Готчина Л.В., 2025

Введение

Насильственная преступность – одна из стабильных разновидностей российской преступности любого периода. В снижении ее показателей заинтересовано общество, направлено криминологическое воздействие, используя свои инструменты.

Среди современных тенденций насильственной преступности отметим следую-

щие: увеличение доли насильственных преступлений, совершенных с особой жестокостью; прирост числа таких деяний, осуществленных с применением холодного и огнестрельного оружия, что главным образом вызвано тремя группами обстоятельств: большей доступностью оружия, значительной активизацией организован-

ной преступности и военными конфликтами.

Сформировался устойчивый новый вид насильственной преступности – террористический. Это не только собственно террористические акты, но и значительно более обширная группа весьма опасных насильственных посягательств с отличительной чертой в виде устрашения.

В структуре насильственной преступности достаточно значимой остается группа преступлений, связанных с насилием в семейно-бытовой среде.

Увеличилось число насильственных преступлений, совершенных в отношении близких лиц.

Для снижения уровня насильственной преступности необходимо воздействовать на факторы, способствующие этому.

Основные положения

Насильственные преступления, в первую очередь, входят в группу преступлений против личности. Их доля в структуре общей преступности достаточно стабильна. Так, в 2023 г. они составили 227 315 деяний (11,7 %), в 2024 г. – 209 715 (11 %).

Динамика насильственной преступности (убийства и покушение на него, умышленные причинения тяжкого вреда здоровью, изнасилования и угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью) следующая: в 2022 г. – 3,7 %; в 2023 г. – 3,5 %; в 2024 г. – 3,1 %. Из вышеуказанных видов преступлений в 2024 г. прирост доли деяний составили изнасилования – 3104 (+ 0,3 % к аналогичному за периоды прошлого года).

Насильственные преступления, совершенные с использованием оружия, характеризуются определенным уровнем латентности, при этом зарегистрированное число преступлений с оружием снизилось, что не соответствует фактическому положению дел. Состояние опьянения зачастую является фактором, способствующим совершению преступлений с применением насилия.

В связи с особой обеспокоенностью населения состоянием указанных тенденций преступности в начале 20-х годов текущего столетия обсуждался проект Федерального закона, предполагающий внесение изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части усиления ответственности за насильственные преступления, совершенные в отношении близких лиц), предлагалось добавить квалифицирующий признак преступления «совершение насильственных преступлений в состо-

янии алкогольного и наркотического опьянения в отношении близких лиц». Однако ухудшение показателей преступности не всегда связано с «мягкостью» уголовного законодательства, зачастую истинные причины в самом обществе, в котором мы живем. Среди современных теоретических объяснений насилия находится агрессивность личности как психологическая характеристика.

Перечислим основные сложившиеся подходы к объяснению происхождения насилия:

- этологические теории: человек признается общественным животным, для общества характерно сохранение животных инстинктов. Пользование ими без необходимого уровня развития его культуры повышает агрессивность;

- фрейдизм, неофрейдизм и экзистенциализм понимают проявление агрессии как следствие отчужденности личности в результате неудовлетворенности желаний законно допустимыми способами. Обратив внимание на социальные проблемы общества, снизим агрессивность;

- интеракционизм объясняет проявление агрессии «конфликтом интересов»;

- когнитивизм: диссонанс в познавательной сфере, «отсутствие взаимопонимания» приводят к агрессии (Х. Дельгадо, Б. Скиннер, Дж. Макконэл) [1].

Методы

В исследовании применен статистический метод при оценке состояния и динамики насильственной преступности, выделении ее основных тенденций; контентный анализ научных разработок и системный метод позволили систематизировать накопленные теоретические знания по теме исследования. Также применены формально-юридический метод и сравнительно-правовой.

Результаты

Отметим рост латентности насильственной преступности, прежде всего, в семейной сфере. Фактором, усилившим такое положение дел, является появление новой группы лиц, допускающих насилие, – прошедшие боевые действия в условиях специальной военной операции (далее – СВО). Каждый из них сегодня нуждается в индивидуальной психологической реабилитации, социальной поддержке и общественном признании. Их готовность к проявлению физической агрессии велика. Между тем противодействию семейной преступности «способствует криминологическая коррекция семейных отношений,

кriminologicheskaya bezopasnost' sem'yi» [14; 15].

Субъектом такой безопасности являются средства массовой информации, их роль в реализации воспитательного аспекта несовершеннолетних и всего населения неоспорима. Однако материалы телевидения изобилуют грубыми сценами насилия. Транслируемая негативная информация формирует ощущение ущемленности, зависимости, бесперспективности существования. В настоящее время мы наблюдаем в России, как пропитанное агрессией общество заражает ею молодое поколение, срабатывают механизмы подражания и социального научения.

В настоящее время компьютерные игры как средство воздействия на массовое сознание также развиваются идеологию насилия. Во-первых, игра – носитель рекламы. Во-вторых, в зависимости от заложенной в ней идеи она изменяет психологию поведения и задает определенные алгоритмы поведения в тех или иных ситуациях. Наряду с этим резко сокращается перечень духовных и культурных потребностей, что находит свое отражение в массовом сознании россиян.

Все это порождает ситуативную агрессивность, значительно превышающую уровень адаптационной агрессивности, заложенной изначально в каждом человеке, на первый план выходит мотивация самоутверждения, помогающая преступным путем получить желаемые результаты: кому-то обогатиться, кому-то удовлетворить сексуальные потребности. В основе лежит желание быть признанным в обществе, однако инструменты выбраны преступные.

Высокий уровень латентности сложился и в сфере совершения преступлений с применением насилия с помощью оружия, хотя официальная статистика показывает низкие показатели. В приграничных регионах России в местах проведенных боев оружие стало общедоступным.

Обсуждение

Агрессивное поведение обусловлено особенностями воспитания.

При совершении насильственных преступлений проявляются следующие мотивации:

1) корыстная, направленная на приобретение материальных благ;

2) целевая мотивация (удовлетворение сексуальных влечений, чувства ревности разрешение межличностного конфликта);

3) мотив «безмотивности» предполагает насилие как самоцель, совершается хулиганство;

4) мотив самоутверждения (удовлетворение сексуальных влечений в случае непризнания конкретным лицом в качестве партнера, для криминального признания преступной группировки, занятия лидерства).

Примером мотивации самоутверждения при совершении насильственных преступлений является известное дело «белгородского стрелка», который длительное время после отбывания наказания угрожал родителям насилием. Получив отказ при попытке купить в оружейном магазине патроны, Помазун взял из сейфа отца (егеря охотничьего хозяйства) самозарядный карабин, охотничье ружье, застрелил двух продавцов и покупателя того же магазина, на улице еще двух проходивших мимо школьниц и мужчину, похитил другое оружие. Мотив самоутверждения в обществе законным путем не был достигнут, Помазун избрал преступный путь.

В настоящее время расширяется причастность лиц к некорыстному обороту оружия [6], население нуждается в безопасности, особенно приграничных регионов.

Таким образом, появление новых рисков способствовало вовлечению в некорыстный оборот оружия законопослушных граждан. В этой связи «наиболее используемым видом оружия при совершении вооруженного преступления является огнестрельное, что вызвано его большей поражающей способностью» [6], его применение более эффективно в случае самозащиты [14].

В теории криминологии имеются различные разработки, направленные на снижение показателей насильственной преступности [9; 11]. Как отмечает Д. А. Шестаков, «российские учёные и практики долгое время пытались законодательно урегулировать предупреждение криминального насилия в семье» [17].

В частности, один из проектов федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» предполагал дополнить части 1 статьи 97 УК РФ пунктом «е» следующего содержания: «е) совершившим преступления с применением насилия или угрозой его применения в отношении близких лиц в состоянии алкогольного или наркотического опьянения». Обсудим, насколько эффективна эта мера. В пред-

ложенной формулировке востребована замена термина «в состоянии алкогольного либо наркотического опьянения» на «в состоянии опьянения», так как первая редакция сужает перечень разновидностей опьянения, несмотря на то, что статья 23 УК РФ среди них предусматривает «алкогольное, наркотическое либо вызванное употреблением психотропных веществ, их аналогов, новых потенциально опасных психоактивных либо других одурманивающих веществ».

Согласна с мнением законодателя о том, что такое физиологическое состояние человека (в опьянении) в ряде случаев представляет опасность для жизни и здоровья граждан, является фактором преступности, в том числе и насильственной. Однако мы не можем каждый фактор преступности перевести в статут квалифицирующего признака насильственного преступления. Знание о факторах, выявление изменений динамики преступности определенного вида дает информацию для грамотного построения профилактической работы в регионе. Оно важно, как для специалистов-профилактиков, так и для «перспективных жертв». При этом допустимость употребления алкоголя, наркотиков и токсических веществ в сознании российского населения и в российском законодательстве интерпретируется по-разному. Этот аспект также подтверждает недопустимость формулировки «... в состоянии алкогольного либо наркотического опьянения...» в тексте Уголовного кодекса. Последнюю необходимо заменить на «... в состоянии опьянения...».

При этом особую опасность состояние опьянения представляет для близких, зачастую выступающих потерпевшими [12]. В нашем понимании общественная опасность действий незнакомого лица, совершающего, например, насильственные преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, представляют меньшую опасность, чем такие действия, осуществленные родителем, законным представителем потерпевшего.

Исследования показывают, что за насильственные преступления в отношении несовершеннолетних в качестве обвиняемых привлекаются близкие родственники [2; 1], либо лица, на которые возложены обязанности по содержанию, воспитанию потерпевшего, не достигшего восемнадцатилетнего возраста.

Прогноз насильственных преступлений неутешителен: «в условиях нарастающей агрессии увеличится число таких преступлений, совершаемых, в том числе женщинами, подростками и молодежью; характер такой преступности проявит ужесточение» [8].

Прогноз роста показателей насильственной преступности в семейной сфере подтверждают ученые [7]. За рубежом похожая ситуация. В начале мая 2020 г. глава европейского подразделения ВОЗ доктор Ханс Клюге озвучил, что «страны сообщают об увеличении в апреле на 60 % по сравнению с прошлым годом количества звонков со стороны женщин, подвергнувшихся домашнему насилию» [5].

Семь общественных организаций направили в Совет Европы доклад о домашнем насилии в России: наиболее пострадавшими названы незащищенные и маргинализированные группы населения; констатировалось, что пандемия показала отсутствие комплексного подхода к предупреждению домашнего насилия, к применению которого большему риску подвергаются женщины [3; 18].

С начала пандемии увеличилось число обращений жертв домашнего насилия в Европе: во Франции до 30 %, в Париже – до 36 % [4]; в Бразилии – на 40 % или 50 %; в Испании – на 20 % в первые несколько дней пандемии; на Кипре – на 30 % через неделю после подтверждения в стране первого случая коронавируса» [1].

Именно поэтому законодатель предлагает усилить уголовную ответственность за совершение преступления с применением насилия или угрозой его применения в отношении близких лиц. В проекте примечания к статье 116 УК РФ дается понятие «близких лиц» для применения к статье 116 и другим статьям УК РФ, кроме статей 102, 205.6, 308 и 316. В соответствии с ним под близкими лицами понимаются: супруг, супруга, лица, состоящие в отношениях без регистрации брака. Родители, отчим, ма-чеха, дети, пасынок, падчерица, усыновители, усыновленные, родные братья и сестры, дедушка, бабушка, внуки, лица, состоящие в свойстве с потерпевшим. В проекте примечания к ст. 116 УК РФ в понятии «близких лиц» целесообразно заменить «...родные братья и сестры...» на «полнородные и неполнородные (имеющие общих отца или мать) братья и сестры». Та-

кая трактовка более полная и дана в статье 14 Семейного кодекса РФ.

Выводы

Распространение насилия оказывает влияние на правопорядок по нескольким направлениям:

во-первых, оно используется для принуждения к вступлению в уличные компании, для которых характерны подчинение лидеру группы, силовое признание групповой субкультуры, сопровождающееся употреблением наркотиков, алкоголя, токсических веществ;

во-вторых, насилие – форма самоутверждения личности;

в-третьих, насилие признается средством достижения личностных потребностей, когда испробованные законные средства их достижения результата не принесли или не избираются;

в-четвертых, насилие используется при самосуде при наказании лиц, ранее совершивших какие-либо правонарушения или преступления. В этих случаях применение насилия оправдывается, в частности, несовершеннолетними.

В связи с этим целесообразно, на наш взгляд, предусмотреть следующие меры:

1) «регламентировать в уголовном законодательстве применение медиации и проведение криминологической экспертизы личности и криминогенной ситуации [18];

2) ввести превентивный административный арест и оказывать психологическую помощь для разрешения конфликтов как альтернативы уголовного преследования за насилие в семье» [19];

3) усилить систему личной безопасности граждан, для реализации которой необходимо:

– укомплектовать МВД РФ и улучшить социальные гарантии их сотрудников. По информации Министра МВД РФ по состоянию на май 2024 г. некомплект личного состава составил 152 тысячи, в том числе в патрульно-постовой службе – 25%, в следственной части – 21%, в уголовном розыске – 20%. За прошедшее время ситуация резко не изменилась;

– организовать проведение уроков начальной военной подготовки в школах с привлечением людей с военным опытом, в том числе участников СВО;

– усилить профилактическую работу в отношении лиц, состоящих на «оружейных» учетах;

4) обеспечить безопасность легального оборота оружия. Для реализации этого направления необходимы первостепенные меры:

– право на приобретение и дальнейшее хранение различного вида оружия следует ограничить в случае проживания такого лица с лицами, имеющими судимости. Эта мера обоснована судебной практикой и требует изменений в российском законодательстве;

– усилить контроль за соблюдением правил легального оборота оружия, а также за представителями спортивных секций по стрельбе из спортивного оружия;

5) преобладание в трансляции в кино-, видео - и телефильмов сцен насилия должно быть заменено на примеры нравственности, заботы о других людях, полной семьи, христианские добродетели и ценности других религий, человечность и милосердие – что, по существу, и составляет духовность. Средства массовой коммуникации закладывают образцы массового подражания несовершеннолетних и молодежи, они должны быть позитивным социокультурным наследием.

Список источников

1. Алтухова Н. М. Насильственные преступления несовершеннолетних: специфика и основные криминологические показатели / Н. М. Алтухова, Д. М. Елизаров // Наука. Общество. Государство. 2020. Т.8. № 1 (29).
2. Бадальянц Ю. С. Уголовно-правовые средства охраны прав ребенка в Российской Федерации / Ю. С. Бадальянц, Э. Ю. Бадальянц, С. С. Захарова // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25 (1-4). № 1. С. 1-163.
3. Бесчасная А. А. Домашнее насилие в отношении женщин: факты, право, меры профилактики / А. А. Бесчасная, Д. В. Протопопова, С. В. Фокин // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. № 3. С. 19-30.
4. ВОЗ сообщила об усугублении проблемы домашнего насилия в Европе во время самоизоляции // Сайт информационного агентства «Интерфакс». URL: <https://www.interfax.ru/world/707677> (дата обращения: 08.07.2025).

5. В России снизилось число связанных с домашним насилием преступлений // Сайт информационного агентства «Известия». URL: <https://iz.ru/1023175/2020-06-13/v-rossii-snizilos-chislo-svyazannyykh-s-domashnim-nasiliem-prestuplenii> (дата обращения: 08.07.2025).
6. Готчина Л. В. Некорыстный оборот оружия: монография / Л. В. Готчина, Д. М. Кокин. М. : Юрлитинформ, 2017. 152 с.
7. Ивасюк О. Н. Современные проблемы предупреждения преступлений в сфере семейно-бытовых отношений // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Юридические науки. 2020. Т. 6 (72). № 2. С. 230–235.
8. Логинова Л. В. Уголовно-правовое и криминологическое исследование преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних: автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Логинова Людмила Валентиновна. СПб. : СПБУ МВД России, 2013. 23 с.
9. Павлик М. Ю. Предупреждение насильственной преступности на современном этапе / М. Ю. Павлик, Е. М. Павлик // Ленинградский юридический журнал. 2025. № 2 (80). С. 330–347.
10. Полиция предупреждает: случаи домашнего насилия в разы возросли в период пандемии // Интернет-портал «Российской газеты». URL: <https://rg.ru/2020/08/13/kak-pandemiia-sposobstvovala-rostu-domashnego-nasiliia.html> (дата обращения: 08.07.2025).
11. Скифский И. С. Снижается ли в России уровень насильственной преступности? // Всероссийский криминологический журнал. 2011. № 2 (16). С. 29–35.
12. Социальная антропология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М., 2004. 288 с.
13. Спасенников Б. А. Состояние опьянения и его уголовно-правовое значение (теория, уголовно-правовое регулирование, практика): монография / Б. А. Спасенников, С. Б. Спасенников. М. : Юрлитинформ, 2011. 140 с.
14. Теренков И. Е. Применение сотрудниками полиции огнестрельного оружия в условиях необходимой обороны // Научный портал МВД России. 2022. № 2 (58). С. 76–80.
15. Харlamov B. C. Введение в общую теорию криминологической безопасности семьи // Традиции и инновации в праве: материалы междунар. науч.-практ. конф.: в 3 т. Новополоцк: Полоцкий государственный университет, 2017. Т. 3. С. 289–292.
16. Шестаков Д. А. Введение в криминологию семейных отношений / Д. А. Шестаков. Л. : ЛГУ, 1980. С. 62–78.
17. Шестаков Д. А. Концепции законопроекта о предупреждении насилия в семье // Девиантное поведение и социальный контроль в пост тоталитарном обществе: междунар. конференция. Тезисы докладов. СПб., 1996. С. 39–40.
18. Шестаков Д. А. Семейные суды – перспектива правосудия в отношении несовершеннолетних // Предупреждение преступности. Казахстанская криминологическая ассоциация. Юридический журнал. 2004. № 1 (7). С. 28–30.
19. Шестаков Д. А. Криминология. Преступность как свойство общества. Краткий курс. СПб. : СПбГУ; Лань, 2001. 259 с.
20. Kokin D. M. Pandemic as an additional criminality factor / D. M. Kokin, V .V. Semenova, L. V. Serdyuk and others // SHS Web of Conferences 108, 03014 (2021) IX Baltic Legal Forum. 2020. URL: <https://doi.org/10.1051/shsconf/202110803014>.

References

1. Altuhova N. M. Violent Crimes Committed by Minors: Characteristics and Key Criminological Indicators / N. M. Altuhova, D. M. Elizarov // Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo. 2020. T.8;1 (29). (In Russ.).
2. Badal'yanc YU. S. Criminal Law Measures to Protect the Rights of Children in the Russian Federation / YU. S. Badal'yanc, E. YU. Badal'yanc, S. S. Zaharova // CHelovek: prestuplenie i nakazanie. 2017. T. 25 (1-4);1: 1–163. (In Russ.).
3. Beschasnaya A. A. Domestic Violence Against Women: Facts, Law, and Prevention Measures / A. A. Beschasnaya, D. V. Protopopova, S. V. Fokin // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Ser.: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2024;3: 19–30. (In Russ.).
4. VOZ soobshchila ob usugublenii problemy domashnogo nasiliya v Evrope vo vremya samoizolyacii // Sajt informacionnogo agentstva «Interfaks». Available from: <https://www.interfax.ru/world/707677> (data obrashcheniya: 08.07.2025). (In Russ.).
5. V Rossii snizilos' chislo svyazannyyh s domashnim nasiliem prestuplenij // Sajt informacionnogo agentstva «Izvestiya». Available from: <https://iz.ru/1023175/2020-06-13/v-rossii-snizilos-chislo-svyazannyykh-s-domashnim-nasiliem-prestuplenii> (data obrashcheniya: 08.07.2025). (In Russ.).

6. Gotchina L. V. Nekorystnyj oborot oruzhiya: monografiya / L. V. Gotchina, D. M. Kokin. M. : YUrlitinform, 2017. 152 s. (In Russ.).
7. Ivasyuk O. N. Modern Problems of Preventing Crimes in the Field of Family and Domestic Relations // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. 2020. T. 6 (72):2: 230–235. (In Russ.).
8. Loginova L. V. Ugolovno-pravovoe i kriminologicheskoe issledovanie prestuplenij protiv polovoj neprikosnovennosti nesovershennoletnih: avtoreferat dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08 / Loginova Lyudmila Valentinovna. SPb. : SPbU MVD Rossii, 2013. 23 s. (In Russ.).
9. Pavlik M. YU. Prevention of Violent Crime in the Modern Era / M. YU. Pavlik, E. M. Pavlik // Leningradskij yuridicheskij zhurnal. 2025;2 (80): 330–347. (In Russ.).
10. Policiya preduprezhdaet: sluchai domashnego nasiliya v razy vozrosli v period pandemii // Internet-portal «Rossijskoj gazety». Available from: <https://rg.ru/2020/08/13/kak-pandemiia-sposobstvovala-rostu-domashnego-nasiliia.html> (data obrashcheniya: 08.07.2025). (In Russ.).
11. Skifskij I. S. Is the level of violent crime decreasing in Russia? // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2011;2 (16): 29–35. (In Russ.).
12. Social'naya antropologiya: uchebnoe posobie dlya studentov vysshih uchebnyh zavedenij. M., 2004. 288 s. (In Russ.).
13. Spasennikov B. A. Sostoyanie op'yaneniya i ego ugolovno-pravovoe znachenie (teoriya, ugolovno-pravovoe regulirovanie, praktika): monografiya / B. A. Spasennikov, S. B. Spasennikov. M. : YUrlitinform, 2011. 140 s. (In Russ.).
14. Terenkov I. E. Use of firearms by police officers in conditions of necessary defense // Nauchnyj portal MVD Rossii. 2022;2 (58): 76–80. (In Russ.).
15. Harlamov V. S. Vvedenie v obshchuyu teoriyu kriminologicheskoy bezopasnosti sem'i // Tradicii i innovacii v prave: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: v 3 t. Novopolock: Polockij gosudarstvennyj universitet, 2017. T. 3. S. 289–292. (In Russ.).
16. SHestakov D. A. Vvedenie v kriminologiyu semejnyh otnoshenij / D. A. SHestakov. L. : LGU, 1980. S. 62–78. (In Russ.).
17. SHestakov D. A. Koncepcii zakonoproekta o preduprezhdenii nasiliya v sem'e // Deviantnoe povedenie i social'nyj kontrol' v posttotalitarnom obshchestve: mezhdunar. konferenciya. Tezisy dokladov. SPb., 1996. S. 39–40. (In Russ.).
18. SHestakov D. A. Family Courts: A Perspective on Juvenile Justice // Preduprezhdenie prestupnosti. Kazahstanskaya kriminologicheskaya associaciya. YUridicheskij zhurnal. 2004;1 (7): 28–30. (In Russ.).
19. SHestakov D. A. Kriminologiya. Prestupnost' kak svojstvo obshchestva. Kratkij kurs. SPb. : SPbGU; Lan', 2001. 259 s. (In Russ.).
20. Kokin D. M. Pandemic as an additional criminality factor / D. M. Kokin, V .V. Semenova, L. V. Serdyuk and others // SHS Web of Conferences 108, 03014 (2021) IX Baltic Legal Forum. 2020. URL: <https://doi.org/10.1051/shsconf/202110803014>.

Информация об авторе

Л. В. Готчина – доктор юридических наук, кандидат социологических наук, профессор

Статья поступила в редакцию 24.10.2025;
одобрена после рецензирования 08.12.2025;
принята к публикации 11.12.2025.

Information about the author

L. V. Gotchina – Doctor of Science (Law), Candidate of Sciences (Sociology), Professor

The article was submitted 24.10.2025;
approved after reviewing 08.12.2025;
accepted for publication 11.12.2025.